

Пролог

При посещении Молодых гор (Цзюсяньшай) путешественники услышат старую народную песню о "Цветях вдоль дороги". В ней сказано, что каждую весну фей* У Юэ навещает свой родовой дом в Линьане. Монарх всегда посылает супруге письмо с одним предложением: "Распустились цветы вдоль дороги, ты можешь не спеша возвращаться"**. (Су Ши "Три стиха о цветах вдоль дороги".***)

[П\п: *фей — титул, используемый супругами императора ниже ранга императрицы.

**Объяснение стиха: "Распустились цветы вдоль дороги, ты можешь любоваться ими, так что нет нужды спешить назад" — противоположный смысл его истинных чувств, если сказать просто: "Я скучаю по тебе".

***Су Ши — китайский поэт, эссеист, художник империи Сун].

Глава 1.

В восемнадцатом поколении династии Дашао император законно правит уже в течение двенадцати лет.

В большом зале дворца группа высокопоставленных чиновников выступает с обвинением во взяточничестве одного должностного лица. Они все еще ждут окончательного вердикта от императора, сидевшего на престоле. Вскоре еще одна группа выходит со своих мест и просит помилования упомянутому должностному лицу. Они умоляют, чтобы его пощадили, потому что человек всю свою жизнь работал на благо страны. Даже если у него нет никаких заслуг, чтобы отдать ему должное, все равно его усилия должны быть зачтены. Это то, что он совершил в момент слабости, поэтому они просят императора помиловать, и так далее...

Короче говоря, все это произошло из-за толстого чиновника. Он стоит на коленях на полу, в то время как другие чиновники обсуждают, достаточно ли просто пнуть его или надо жарить его в кастрюле с маслом.

Голова Ли Цунцина, стоящего в последнем ряду, кивала каждый раз на каждый комментарий. Кажется, он согласен со всеми, хотя никто не знает, за какую из сторон он выступает. Он кивает, чтобы обезопасить себя, и в некотором роде подобное поведение не создает ему никаких обязательств перед кем-либо.

— Ваше Величество, меня подставил злодей, — сказал тучный старик, со слезами на глазах заявляя о своей невинности.

Молодой император молча выслушал мольбы каждой из сторон, уголки его губ приподнялись, неторопливо полилась речь:

— О, какой злодей осмелился предоставить убедительные доказательства, сфабриковал обвинения и подставил вас? Позвольте мне услышать имя, и я помогу вашему делу.

Слова императора остановили яростно шумевших чиновников. Моментально в зале установилась тишина. Можно ли оставаться чиновником, если не знаешь нрава Его Величества.

Ли Цунцин продолжал кивать столь интенсивно, что его голова почти падала на землю.

Глаза императора быстро пронеслись по придворным у подножия и остановились на голове Ли Цунцина.

— Ли Цунцин, — позвал император.

Ли Цунцин все еще кивал, но ничего не отвечал.

Ближе всех к Ли Цунцину расположился чиновник Гэн Байцзо. Он поспешно дернул того за локоть, но никакого отклика не последовало. Гэн Байцзо так искренне беспокоился, что закатил глаза: "У этого парня действительно достаточно нервов, чтобы задремать прямо в большом зале аудиенций".

— Помощник министра обрядов Ли Цунцин, — терпеливо позвал его император. Его тон был мягким, без толики гнева.

Чиновники истекали холодным потом, их лица чернели от одной мысли: "Где Ли Цунцин набирается храбрости, осмеливаясь так часто засыпать в зале аудиенций? Очевидно, он не ценит свою жизнь".

К сожалению, Ли Цунцин присутствовал там последние шесть лет. Император не находил причин лишать его жизни или освобождать от обязанностей. Его Величество назначил его на праздное место, не повышая и не понижая в должности.

Император слегка подмигнул своему личному слуге рядом с собой. Вэй Сяомяо немедленно пошел по залу к Ли Цунцину и сказал:

— Господин Ли, Его Величество зовет вас.

Гэн Байцзо еще раз толкнул Ли Цунцина локтем, на этот раз с большей силой, заставив того закачаться. Вэй Сяомяо помог ему стабилизироваться.

Ли Цунцин запоздало открыл глаза и заморгал. Его взор был затуманен, как будто он еще не проснулся. Он не замечал смотрящего на него сверху вниз императора.

— Что?

— Ли Цунцин, — вновь позвал император.

— Я здесь, Ваше Величество, — почтительно ответил Ли Цунцин, поднявшись.

— Ваши мысли?

"А что я должен думать?" — Ли Цунцин в замешательстве поморгал и посмотрел вперед на других чиновников, стоявших посреди зала аудиенций. Он двусмысленно ответил:

— Как и обсуждалось, Ваше Величество, господин Хуан оправдал это, слова господина Вэй Чэня также приемлемы, в то время как господин Чэнь...

В конце концов, толстый чиновник на коленях начал покрываться холодным потом.

— Что? — губы императора скривились в слабой улыбке.

Чиновники думали, что император, очевидно, запугивал Ли Цунцина, и не могли внутренне не злорадствовать. Они догадались, что если император не пощадит его снова, то он заберет его шляпу чиновника*: сначала прикажет вытащить его на улицу, чтобы дать несколько ударов, а затем понизит в должности.

[П/п: *в Древнем Китае чиновники носили определенный вид шляп].

— Ли Цунцин, император спросил ваше мнение по обвинению во взяточничестве господина Чэня при покупке официального звания и дискриминации граждан, — Вэй Сяомяо напомнил ему, а также объяснил вопрос императора.

Ли Цунцин понял ситуацию, которая сложилась в зале, пока он спал. Поспешно прибегнув к старому трюку "займи нейтральную позицию", он заявил:

— Ваше Величество, есть древняя цитата: "Если человек не сталкивался с такой ситуацией ранее, то он должен пренебречь своим суждением". Поэтому я боюсь комментировать дело господина Чэня.

"То, что он сказал, не имеет значения. Он просто произнес глупость!" — все чиновники чувствовали одно и то же.

Император не разозлился и не продолжил запугивать его. Он просто улыбнулся, отвел взгляд и вернулся к другим чиновникам, продолжив заседание. Поэтому чиновники решили, что Его Величество, должно быть, просто смеется над Ли Цунцином и не ценит его мнение.

Ли Цунцин, казалось, не беспокоился ситуацией и продолжил сон, который он усовершенствовал, уже стоя. Но он уменьшил количество кивков.

Со стороны Ли Цунцин производил впечатление простака со средним интеллектом. У него не было много пороков или добродетелей, и его положение можно было охарактеризовать как умеренное.

Он был обычным человеком, и не мог быть повышен до какого-либо представительного звания. Однако по иронии судьбы шесть лет назад он остановил собой меч, предназначенный императору, и тем самым спас ему жизнь. Таким образом, его повысили с пятого ранга чиновника из Министерства доходов до служащего третьего ранга в Министерстве обрядов, поэтому он смог войти в большой зал аудиенций на представительные собрания.

Хотя он получил тяжёлую колотую рану, которая едва не унесла его жизнь, это все еще не объясняло его отношение. Обычно, когда человеку дают возможность войти в большой зал аудиенций, он использует этот шанс для дальнейшего роста в своей карьере. Ли Цунцин не пробовал этот путь, а вместо этого привык просто спать и зевать. Это, конечно, было вызовом множеству амбициозных и молодых чиновников, цель которых — стать значительнее. Они завидовали и со стиснутыми зубами однажды публично обозвали его "сточной канавой".

Ему было всё равно, он проигнорировал их и только вздохнул:

— Итак, почему вы описываете чиновника императорского двора как сточную канаву? Если двор — действительно выгребная яма, то у его чиновников будут статусы некоей разновидности оной.

Это заявление распространилось и вызвало гнев у многих чиновников. Они обвинили его в клевете на императорский двор и в разрушении их репутации. Затем они умоляли императора строго наказать его.

В итоге император специально вызвал его в свою королевскую канцелярию для допроса, спросив, действительно ли он сказал: "Императорский двор — уборная, а чиновники двора — навозные черви?"

— Ваше Величество, Ваш покорный слуга не смеет клеветать и издеваться над чиновниками. Это не я сказал, что двор — выгребная яма, — Лицо Ли Цунцина было безупречным, но без тени лести.

Если посмотреть на то, как его слова буквально использовались, то его ответ действительно верен.

Император не возражал, он просто улыбнулся и сказал:

— Вы умник или глупец, если произносите такое?

— Ваше Величество правы и справедливы, — Ли Цунцин послушно ответил очень искренним и смиренным голосом.

— Хорошо, — император решил не продолжать дело дальше и лично записал в заключении, что "ведущий разговор не имел никакого намерения, а слушатель был введен в заблуждение".

Его слова были циничным отпором тем, кто выдвинул обвинения. То, что "так называемое получение доказательств" в "клевете и порочащих двор словах", обличает их, и что дальнейшее преследование предмета означает для них уже их собственную вину. Так ситуация, на самом деле, никак не разрешалась, но завершалась поговоркой: на воре шапка горит.

Со времени того инцидента чиновники не смогли уложить ни единого волоска Ли Цунцина, и он продолжал свой радостный путь, живя своей легкой и приятной жизнью.

Поскольку династия Дашао правит восемнадцать поколений, страна процветает с небольшими неурядицами во внутренних вопросах, и имея хорошую защиту от захватчиков, не ведает страха перед иностранным вторжением. Такие вопросы, как стихийные бедствия — события вне контроля. Обвинения в коррупции за взяточничество и угнетение граждан, спровоцированные чиновником Ченом, были редки. Более того, не каждый день коррумпированный чиновник становится на колени в зале аудиенций. Разыгрываемая судебная драма — это совершенно новая ситуация для людей, привычных к рутинным отчетам, поэтому нельзя обвинять Ли Цунцина, заблудившегося в гостях у Чжоу-гуна*.

[*Чжоу-гун — принц Чжоу, сын короля Вэнь Чжоу, играл важную роль в качестве регента при создании Западной Чжоу, а также известен как "Бог снов". Ли Цунцин обращался к нему, как к богу снов.]

Преимущество нахождения в дальних рядах позволяло ему вздремнуть, а задремав, он не должен был упасть вниз.*

[П\п: *из положения сидя].

Основным правилом Дашао для императора было наблюдение за ежедневными утренними заседаниями в большом зале аудиенций, чтобы чиновники не ленились. К счастью, каждый из императоров серьезно и усердно относился к своим обязанностям. Таким образом, династия Дашао процветала на протяжении многих веков, что привело к непоколебимой центральной власти. Процветающий период означал, что не было никакой необходимости в героях. В результате, мирные времена взрастили в Ли Цунцине непритязательного чиновника, что не удивительно.

Логично, что этот скромный чиновник не должен был попасть в поле зрения императора. Однако другие не были уверены в этом, когда император начал время от времени вызывать Ли Цунцина в императорский кабинет и приглашать, когда проводились праздники или охота. Эти двое редко разговаривали друг с другом и не проявляли никакого интимного поведения, а иногда император почти игнорировал его присутствие, будто того не существовало.

Некоторые чувствительные чиновники начали что-то подозревать, другие чувствовали себя странно, но не могли понять, в чем именно дело. Они не понимали, почему у императора имелся рядом этот "запасной" человек. Ну, если бы эта личность была из старой благородной семьи или являлась элегантною мужчиной, как ученый Лоу Чюнь, то не было бы необходимости объяснять. Ли Цунцин же не происходил из старинного знатного рода. Его внешность, в лучшем случае, можно было описать как прекрасно безмятежную, и по сравнению с Лоу Чюнем, которого называют "Пань Ань*", он значительно уступал. Даже Вэй Сяомяо выглядел лучше, чем он.

"Не в состоянии понять этого, до сих пор не в состоянии понять".

[П\п: *Пань Ань — литератор, отличавшийся необыкновенной красотой. Когда он ехал по улице, женщины бросали в его повозку апельсины, чтобы обратить на себя внимание].

Шестой принц — наиболее любимый брат императора — был прямолинеен с этими чиновниками, решительно заявив:

— Если кто-то способен угадать мысли императора, то он сам может стать императором.

— Ваш подчиненный напуган.

— Ваш подчиненный напуган.

С тех пор чиновники не осмеливались делать дальнейшие предположения в частном порядке или высказываться иным образом о том, как император относится к Ли Цунцину. В любом случае, с какой бы точки зрения не посмотреть на Ли Цунцина, он был безобиден и свободен, так что беспокоиться было не о чем.

Давайте вернемся в настоящее. В зале аудиенций, несмотря на то, что император больше не замечал кивков головы, он чутко глядел на Ли Цунцина. Все еще тревожащийся мужчина немного хмурился, прикусывал губу, чтобы не зевать, а иногда тихо тер талию и, похоже, ноги. Кажется, что он был разоблачен этим фактом и больше не мог стоять.

Император обсудил вопрос предотвращения наводнения на Белой реке и завершил заседание.

— Сегодня мы остановимся на этом. Монаршее совещание закончилось.

— Ваш слуга желает долгих лет Вашему Величеству, — император ушел, придворные эхом отозвались обычным прощальным приветствием.

"...Наконец-то можно расслабиться", — Ли Цунцин не мог ждать и вышел из зала. Его мысли были о том, как побыстрее вернуться в свой двор и прилечь.

— Ли Цунцин, пожалуйста, останьтесь, — всего в нескольких шагах от него прозвучал голос Вэй Сяомяо.

— Господин Вэй, есть проблемы? — он действительно хотел бы притвориться, что не слышал. И хотя он не хотел останавливаться, все же повернулся и спросил.

— Император вызвал вас в свой императорский кабинет.

— Сейчас?

— Да, пожалуйста, отправляйтесь немедленно, не позволяйте Его Величеству ждать.

На лице Ли Цунцина появилось серьезное страдание. Но император позвал его. Он действительно хотел сказать: "Дай мне сначала поспать". Но не смел откладывать встречу: он еще не устал жить. Поэтому последовал за Вэй Сяомяо в направлении императорского кабинета.

— Господин Вэй, я действительно хочу поблагодарить вас, — Ли Цунцин выразил свою искреннюю благодарность.

— Господин Ли, пожалуйста, зовите меня Сяомяо. Не называйте меня господином, это будет моим концом.

— Господин Вэй — управляющий Внутреннего дворца, но также и ближайший личный слуга императора, я же всего лишь помощник министра, поэтому просьба обратиться к вам по вашему имени будет моей гибелью.

— Господин Ли, вы снова надо мной издеваетесь.

— Действительно, Сяомяо, вы знаете, зачем император позвал меня?

— Господин Ли, естественно, знает, чего ожидать.

— Ах! Я не понимаю, чего можно ожидать, — Ли Цунцин действительно испытывал серьезные страдания и тихо плакал: "Я просто хочу спать!"

— Господин Ли определенно знает мысли императора лучше меня.

— Я не хочу знать, о чем он думал, — Ли Цунцин пробормотал эти слова одними губами: эту фразу нельзя произносить вслух.

Мгновение спустя они прибыли к императорскому кабинету.

— Ваше Величество, прибыл чиновник Ли, — Вэй Сяомяо сообщил в дверь.

— Впустить его.

— Чиновник Ли, пожалуйста, входите.

Ли Цунцин поклонился, но не опустился на колени и шагнул к императорскому креслу.

— Ваш подчиненный встретился с Вами, Ваше Величество.

После того, как он вошел в комнату, Вэй Сяомяо закрыл дверь снаружи, оставив его наедине с императором.

— Иди сюда, ко мне.

Ли Цунцин подошел к Сун Ю, с почтением опустив глаза.

Сун Ю внимательно посмотрел на него, его взгляд немного смягчился, и пальцы слегка коснулись усталых глаз Ли.

— Я очень утомил тебя прошлой ночью.

Ли Цунцин перепугался. Его взгляд обратился назад на дверь, чтобы убедиться, что она хорошо закрыта. Только когда он решил, что все в порядке, то надулся и произнес:

— Так как Ваше Величество знал, что твой слуга устал, почему ты выделил меня в зале?*

[П/п: *Я считаю, что обращение между императором и Ли Цунцином меняются в зависимости от ситуации. На публике они обращаются на вы, а без свидетелей на ты. И вообще официальный язык в древние времена сложная штука. Одно то, что императоры величали себя определенным Императорским я, говорит о многом. Поэтому в некоторые моменты я буду ставить ты или вы в обращении, не удивляйтесь].

— Если бы я не позвал тебя, то твоя голова, безусловно, ударилась бы о землю. Что бы подумал двор о твоём падении? — побранил Сун Ю.

— Я только немного задремал. Если бы ты не позвал, никто бы не обратил на меня внимания, — тон Ли Цунцина был немного резким. Недостаток сна любого бы заставил проявить плохой характер, особенно, когда сон — страсть всей жизни. Ночь только с тремя часами сна действительно почти забрала его жизнь.

Сун Юй, увидев один из его редких откровенных своенравных взглядов, улыбнулся:

— Моя вина, я не мог не заметить тебя.

— Ваш слуга ничего не сделал, чтобы привлечь внимание Вашего Величества.

— Злишься?

— Ваш слуга не посмеет этого сделать.

— Понимаю, что так и есть, — Сун Ю потянул его, усадил на колени и, обняв, мягко уговаривал: — Я не знал, что дарованное снадобье было мощным. Не сердись, мы не будем использовать его вновь.

Император был убедителен. Ли Цунцин не стал тратить силы на злость. Так или иначе, гнев будет только потреблять энергию, а ему не хочется еще больше уставать. Будучи ленивым, он не любил чувство усталости.

Когда бы они ни были вместе, он всегда чувствовал усталость, не только физическую, но и духовную... Соккрытие их отношений — дело утомительное. Но если бы они не скрывали, то это было бы в тысячу раз хлопотнее.

Хотя Ли Цунцин любил, когда его баловали, больше всего он ненавидел, когда что-то его беспокоило. Иногда Ли Цунцин был подавлен от сложных мыслей: "Когда проблема начала связывать меня?" Тем не менее, обычно он не беспокоился о чем-либо слишком долго, потому что это растрчивало его энергию, заставляя чувствовать усталость, поэтому лучше было просто не размышлять.

Всякий раз, когда он мог сесть, он никогда не стоял, всякий раз, когда он мог лечь, он никогда не сидел, поэтому он слишком ненавидел свое хорошее здоровье. "Почему я не могу быть, как те болезненные пациенты?" Тогда он мог бы по праву лежать в постели полмесяца или, по крайней мере, десять дней, и никто не стал бы ворчать на него. "Когда бы я хотел спать, то мог бы это делать, и никто бы не боялся, что я отдыхаю слишком долго".

К сожалению, он никогда в жизни не болел. Единственной вредной привычкой была его любовь

ко сну. Конечно, этот порок — не повод объяснять другим, почему ему нужно в два раза больше отдыха, чем нормальным людям.

Фактически, если бы он был один в постели, у него, вероятно, было бы восемь-девять часов сна, хотя и не удовлетворяющих, но вполне приемлемых для должного благополучия. Но всякий раз, когда он был с Сун Ю, просто везло, если он имел хотя бы пять часов, потому что большую часть времени...

— Цунцин, твои крики подобны сладостям, мне они нравятся. Если бы ты не сдерживался и давал себя услышать, тогда я, вероятно, не пытался бы так сильно расслабить тебя. Я даже накачал тебя прошлой ночью, — Сун Ю говорил откровенно легкомысленно, глаза его заботливо блестели.

Услышав эти слова, Ли Цунцин отбросил всякое почтение к своему монарху и сердито взглянул на него:

— Стонать очень утомительно, и горло немеет, и неудобно. Если нравится слушать, почему бы не сделать это самому?

— Я никогда не смогу кричать так красиво, — Сун Ю шаловливо улыбнулся. — Как ты можешь не стыдиться, когда мы обсуждаем что-то подобное?

— То, что мы не должны были делать, мы уже сделали, чего тут стыдиться, — Ли Цунцин сдвинул брови, так как его ноги и поясница все еще болели. Его личное место... он вспомнил, каким абсурдным был император прошлой ночью, и не мог не нахмуриться.

Конечно, он не испытывал неприязни к их занятиям любовью. Он наслаждался сексуальным удовольствием, которое оно приносило. Но последствия всегда делали его сонным и уставшим. Ему просто нужно хорошо поспать, чтобы отдохнуть. Тем не менее, он всегда настаивал на посещении утренних заседаний в зале аудиенций. Даже Сун Ю иногда был озадачен, почему он был так настойчив. Очевидно, что его сердце не лежало к судебным делам, и он очень недисциплинированный человек в при дворе. Он всегда невольно дремал, и все же никогда не отсутствовал на работе.

Каждый может проявить упрямство из-за принципов. Это правило Ли Цунцина.

Однажды Сун Ю попытался заставить его отдохнуть и сказать больным. Сун Ю был удивлен, что обладающий мягким, спокойным нравом Ли Цунцин мог продемонстрировать такой гнев. После того случая Сун Ю разрешил ему делать все, что тому заблагорассудится, притворяясь, что не видит, как он дремлет во время заседания суда, даже если чувствовал, что предпочел бы приказать ему вернуться в постель

— Просто не заставляй меня слишком уставать постоянно, это было бы здорово, — сказал однажды Ли Цунцин.

— Я не могу себя контролировать, я всегда нуждаюсь в тебе, — ответил Сун Ю.

"Почему ты меня так захватил? — молодой император пробормотал про себя. Он был не в состоянии понять, почему, что хорошего в этом ничем не примечательном человеке, который довел его до точки смятения и так пленил. — Это твои губы или твои глаза?"

Пальцы Сун Ю ласкали лицо Ли Цунцина, прикасались к его губам. Красивые округлые губы, как мягкая маленькая капелька, на первый взгляд, слегка пухлые для мужчины, добавляли ему тонкую невинную привлекательность. А также его глаза, скрытые на две трети ресницами, которые уже глубоко затуманились, плюс его расслабленная сущность складывались в образ по имени Ли Цунцин.

Сун Ю мог только деликатно гадать о своей неземной мечте.

Этот человек, любящий спать, кажется, поместил часть своего духа в жизнь внутри своих снов, не позволяя другим смотреть на них.

Сун Ю изучал Ли Цунцина. Его мысли были направлены на поиски чего-то более глубокого внутри мужчины, как будто он выкапывал сокровище, похороненное под ним. Ли Цунцин не мог не зевнуть вслух:

— Если у Вашего Величества нет ко мне дел, то я вернусь спать.

— Ничего особо важного.

— Я хочу спать, — Ли Цунцин моргнул несколько раз, он выглядел невинно. Всякий раз, когда он хотел спать, он невольно показывал невероятно милое лицо, и другие с радостью отпускали его увидеть Чжоу-гуна.

Поток электричества взорвался по всей спине Сун Ю, он задрожал, не в силах сдерживаться. Он поднял лицо Ли Цунцина, чтобы поцеловать его. Когда он видел это выражение на его лице, в отличие от других людей, у него появлялось желание не дать человеку поспать, а просто толкнуть его вниз и с наслаждением лакомиться им. А если не сможет доест, то упаковать на вынос. Он хотел безраздельно владеть им...

— Император, глава Управления чиновник Сюй просит аудиенции, — Вэй Сяомяо, стоявший за дверью, прервал их сладкие поцелуи.

— Иди и сядь где-нибудь неподалеку, — выпустил Ли Цунцина Сун Ю. — Разрешаю войти, — строго и неприступно ответил величественный император.

Ли Цунцин послушно ждал на диване в сторонке. Он был слишком уставшим и сонным. Сначала он едва сидел, кивая. Затем, несмотря ни на что, крепко уснул на длинном диване.

Министр Сюй, вошедший в императорский кабинет, увидел Ли Цунцина. Ли Цунцина часто вызывали в императорский кабинет, особенно после того, как он засыпал на заседаниях в большом зале. Министр думал, что император, вероятно, не хочет, чтобы тот стал слишком праздным, и что он намеренно сделал его личным слугой в качестве наказания. Сегодня он не только отважился отвлечься на заседании, но и здесь, в императорском кабинете, например, самым непосредственным образом лежал и спокойно спал.

Министр Сюй был очень недоволен ленью Ли Цунцина. Ему стало еще более невыносимо, когда он увидел непочтительность мужчины, время от времени он искоса глядел на него и задавался вопросом, стоит ли сообщать императору свои нарекания.

Весенний холод заставил Ли Цунцина чихнуть, он тихо сжался, но не проснулся и продолжил спать.

Звук чихания привлек взгляд императора.

"Император, Вы заметили? Вы должны взглянуть! Этот парень действительно смеет быть наглым. Пожалуйста, научите его манерам!" — сердце министра Сюй громко закричало императору.

Император встал и подошел к Ли Цунцину.

Министр Сюй был готов заплодировать.

Немыслимо, но император взял монаршее облачение, предложенное Вэй Сяомяо, накрыл им Ли Цунцина и попросил Вэй Сяомяо снять с него обувь и официальную шляпу. Затем он аккуратно подтолкнул тело, правильно расположив на длинном диване, даже положил мягкую подушку под голову, чтобы тому было удобнее спать.

Действие было естественным, его нельзя было спутать с жалостью — лишь любящее снисхождение, словно это делалось тысячи раз.

У министра Сюя отвисла челюсть.

Император, небрежно откинувшись на спинку стула, продолжил обсуждение с министром Сюем, больше не глядя на Ли Цунцина, будто вновь забыл о нем.

Министр Сюй был слишком шокирован произошедшим, так что больше не мог сконцентрироваться, но в конце концов что-то внезапно щелкнуло, и он понял, что было нечто странное между императором и Ли Цунцином...

Этот простой чиновник и отношение императора были несовместимы. Нечастые демонстрации тепла и все же почти идентичные сопереживанию друг другу.

Он осторожно оглянулся. "Император, как будто, намеренно игнорировал, но также, кажется, намеренно располагал его рядом... Но, когда начались эти "хорошие отношения" императора и Ли Цунцина... а?! Может, на Весеннем банкете, где шесть лет назад произошло покушение?"

Министр Сюй покинул императорский кабинет, все еще размышляя. Ему было любопытно до смерти, но это было личное дело императора, поэтому он не мог расспрашивать о нем.

После того, как он ушел, императорский кабинет посетило несколько высокопоставленных министров подряд, они видели Ли Цунцина, спящего в стороне и укрытого одеждой монарха.

Мало того, один из министров видел, как император укрыл Ли Цунцина своей одеждой, другой министр видел, как император вытер платком его слюни — подобное действие, несомненно, являлось благосклонностью.

Они смотрели и теряли дар речи. Их реакция была такой же, как у министра Сюй — не менее испуганной.

После шока сплетни быстро начали набирать обороты. Все, что невольно казалось проблеском тайны отношений между императором и помощником министра обрядов, было выделено и зудело, пересказываясь другим людям.

Трудно винить министров за вспыхнувшую болтливость. У придворных чиновников много важных обязанностей, но немного тем поболтать во время послеобеденного чая. Вдали от напряженных рабочих проблем это являлось лучшим развлечением. Тем не менее, у них не хватало смелости открыто сплетничать об императоре, а только бормотать про себя, говоря: "Его Величество — действительно любящий император, который любит свой народ, как своих детей. Но держать его в сердце — это очень печально".

В мире нет ничего, что можно было бы спрятать навсегда. То, что не должно было быть раскрыто, стало известно. Как не подлежащая огласке, информация распространялось тайно.

В это время Ли Цунцин все еще пребывал в состоянии сна и понятия не имел, что стал самым большим скандалом в государстве — "поздравляем, и ещё раз поздравляем".

От редактора:

Название на китайском 花田

Изначально на русском это произведение существовало как "Цветок Мо" (как в анлейте), но более правильно будет "Цветы вдоль дороги", поэтому название изменено.

<http://bllate.org/book/15018/1327362>